

Валерий Воронин

ДРЕВНИЕ КОРНИ РУСИ

Сцилла и Харибда
человечества

ТАЙНЫ
ИМПЕРИИ
историческая
серия

Тайны империи

Валерий Воронин

**Древние корни Руси. Сцилла
и Харибда человечества**

«Свет»

2014

Воронин В. В.

Древние корни Руси. Сцилла и Харибда человечества /
В. В. Воронин — «Свет», 2014 — (Тайны империи)

Имение Чаир, принадлежавшее когда-то одному из великих князей династии Романовых, построил архитектор Краснов. Августейшая семья бывала в Чаире не раз. Вообще Николай II часто посещал великокняжеские имения, видя в этом какую-то особую необходимость. Что же касается Чаира, то, возможно, император даже любил это место. Когда брали сюда болезненного цесаревича Алексея, то он чувствовал себя здесь лучше, чем где-либо. Явной причины улучшения его состояния никто не знал. Но списывалось всё на особый целебный климат данной местности. Может быть, всё дело было в парке Чаир, разбитом в одноименном имении великого князя Николая Николаевича? Эту и множество других тайн приоткрывает читателям роман Валерия Воронина «Древние корни Руси. Сцилла и Харибда человечества» из новой исторической серии автора, начало которой было положено романом «Замок воина».

© Воронин В. В., 2014

© Свет, 2014

Содержание

Часть I	6
1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	18
8	20
9	22
10	24
11	26
12	28
Часть II	30
1	30
2	33
3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерий Воронин
Древние корни Руси. Сцилла
и Харибда человечества
Тайны империи. Книга вторая

© Воронин В. В., 2014

© ООО «Свет», 2015

Часть I Взгляд орла

1

С чего началась эта история? С чаира. Но о чаирах я поговорю позже. Тема прелюбопытнейшая. Скажу лишь, что следствием её явилось появление в моей коллекции книги «Тень орла». Подарил её мой новый знакомый, сказав, что написал её сам. Зная наклонности этого человека, я не сомневался, что она о подземельях Крыма. Не скажу, что я был приверженцем подземных изысканий, хотя однажды в моей жизни и такой опыт присутствовал, но тем не менее книгу я взял. Алексей – кстати, так зовут её автора – напутствовал меня, мол, не разочаруюсь. Впрочем, хватит разглагольствовать, надо читать.

Я открыл «Тень орла» и... окунулся в XI век. Точнее, во времена киевского князя Владимира. При чём здесь это? С сомнением прочёл несколько страниц и... Автор книги живенько перебрал читателя в наши дни. Естественно, мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Скажу заранее, этот приёмчик перескакивать из одной эпохи в другую, Алексей использовал многократно. Вначале это меня несколько раздражало, затем я к подобному образу подачи фактов привык. Просто автор вёл две параллельные линии – древнюю и современную. И в каких-то местах они стыковались, завязываясь в узелки. Следуя по ним, можно было проследить логическую цепочку тех взаимосвязей, которые внешне не проявлялись. Но, кажется, я слегка отвлёкся. Возвращаюсь к тексту...

«– ...Галка, срочно беги к бригадиру, у меня пассажир умирает. Пусть по дистанции сообщит в Серпухов – нужна скорая помощь.

– Хорошо, Ленуш, бегу.

Взволнованная проводница поезда Севастополь – Москва вернулась в вагон, поправив по пути причёску.

– Ну, как он? – обратился бригадир к вышедшей из купе женщине.

– Плох, дотянуть бы до станции.

– Ох, господи! – покачала головой Ленуш.

За окном мелькали вечерние сумеречные тени да неслась за вагоном рогатая шаманская луна.

...На мокром вокзале прямо у перрона стояла „скорая“ и какие-то люди суетились с носилками. Моросил мелкий дождик, и светящаяся надпись „Серпухов“ потрескивала неоновым светом.

– Осторожней, осторожней, – чей-то мужской голос командовал у ступенек вагона.

– Что случилось? – хлопотали пассажиры.

Проводница вагона рассказала бригадиру и высокому, почему-то в фуражке железнодорожника, мужчине о случившемся.

– Наверное, сердце. Павел Сергеевич, он очень просил, чтобы созвонились с Москвой по этому телефону и забрали папку. Она в чемодане.

– Хорошо, хорошо. – Железнодорожник снял фуражку, и Ленуш увидела наголо обритую голову. Он провёл рукой по «волосам» и водрузил фуражку на законное место, добавив при этом: – Мы побеспокоимся...

Но до приёмного покоя больной так и не доехал. Врачи констатировали смерть от острой сердечной недостаточности. Железнодорожник, сопровождавший пассажира до самой больницы, набрал нужный номер телефона и приказал кому-то:

– Игорь, возьми судмедэксперта и во Вторую городскую. Есть для тебя работа... Да ты не рассказывай. Всё! Потом, потом.

Выйдя на балкон, он потянулся за сигаретами, но пачка оказалась пустой. Скомкав её, в сердцах бросил в темноту. Постояв секунду, снова набрал нужный номер.

– Игорь! Ты ещё не выехал? Там у меня в столе пачка сигарет, захвати. Хорошо, хорошо... Всё.

„Железнодорожником“ оказался замначальника райотдела милиции, который провожал в Москву дочь и по чистой случайности оказался рядом с вагоном Ленуш. Он и не подошёл бы к «скорой», но его окликнул старший по наряду милиции:

– Товарищ майор, здесь такая ситуация... Умирает пассажир, мы помогли грузить, а у него вот что, – и старший развернул газету, в которой глухо звякнули черепки.

– Что это?

– На вид старинные осколки...

– А ну-ка, ну-ка, покажи!

При тусклом свете ничего нельзя было разобрать. И майор на всякий случай решил распросить в больнице незнакомца. Но... спрашивать теперь некого. Неудача!

...Он разложил на столе шесть глиняных плоских фрагментов какой-то пластины. На некоторых, вернее на двух, по краю шла цветная кайма. Остальные были осколками с рваными гранями. Грани были тёмные, старые, а у одного проявлен свежий срез. Учитывая, что осколки между собой не соединялись, очевидно, эта плоская основа имела достаточно большие размеры. Здесь, кстати, были видны какие-то буквы. То ли кириллица, то ли...

– Разрешите?

– Входи!

Замначальника быстро ввёл старшего лейтенанта в курс дела, поблагодарил за сигареты и вышел на улицу. Белый „жигулёнок“ ждал своего хозяина, как верный пёс, которого не выгонишь на улицу и не подаришь другу. Дождь закончился, и свежий воздух приятно бодрил. Уже дома замначальника вспомнил о папке. Так-так-так... А ведь пассажир, кажется, непростой... Он быстро связался по телефону со своим подчинённым.

– Игорь, до моего приезда в Москву не звони. И обрати внимание на содержание папки. Что?

Помощник тут же доложил:

– Так точно. Папку уже проверил. Там письма на русском и греческом языках. Похоже на консультации каких-то учёных-историков.

– Не контрабанда ли?

– Не знаю... Возможно, и контрабанда.

2

Около одиннадцати следующего дня майор позвонил в Москву сам, но не по телефону, переданному проводницей вагона, а своему товарищу – майору Сосновскому, и рассказал о случившемся. Сосновский в тот день был оперативным дежурным и, не имея возможности долго говорить по телефону, предложил: «Завтра суббота, я сменюсь как обычно. Приезжай и папочку захвати, а я к тому времени этот телефонный номерок прощупаю. Салют! Да, твоим привет!»

– Игорь, зайди. – Майор нажал на селекторную кнопку, но она только взвизгнула, хрипло плюнув в майора электрической мишурой. Он отнял палец от кнопки и, развернувшись к стене, стукнул в неё кулаком. Прислушался. Идёт.

– Звали?

– Заходи. Игорь, спасибо за помощь. Отдыхай. Я завтра буду в Москве, доложу о находке. Если что – подстрахуешь меня.

– Что-то интересное?

– Посмотрим...

Майор машинально погрыз колпачок шариковой ручки. Собственно, в Москву так и так ехать надо. Они с Сосновским когда-то дружили. Даже жили в одной комнате. А теперь, когда созваниваются, всегда заговаривают об одном – когда вместе пойдут на рыбалку. Да всё никак. Пять лет уж...

А в Москве встретились, как всегда сердечно обнявшись. Но, к удивлению майора, Сосновский привёл ещё двоих, представив:

– Подполковник Змиевой. Профессор Коридзе.

– Я кандидат наук... – поправил Сосновского усатый, совсем не похожий на грузина учёный.

– После того, что вы мне рассказали, я бы сразу присвоил вам звание профессора.

Коридзе только усмехнулся в усы.

– Это моя работа...

– Ты представляешь, – обратился к майору Сосновский, – я вышел на товарища подполковника, специалиста по археологии и истории. И он пообещал приехать на нашу встречу. И знаешь, кого он привёз?

– Вас! – наклонился к Коридзе майор.

– Сейчас ахнешь, – засмеялся Сосновский. – Помнишь телефонный номер? Тот, московский, из поезда...

Майор достал из папки слегка разглаженную бумажку.

– Читай!

– 246-14-03.

– Я вас слушаю, – вдруг откликнулся учёный.

Майор замер, а затем в комнате раздался здоровый дружный хохот четырёх мужиков.

– Ты представляешь, – прокомментировал ситуацию Сосновский, – к нему и ехал этот севастополец.

– Да-да, – Коридзе утвердительно кивнул головой.

Учёный рассказал удивительную историю. Оказывается, какой-то севастопольский спелеолог-любитель Лёша в непонятно какой пещере с сифоном нашёл две глиняные дощечки с текстом. Позже выяснилось, что это греческий язык. Одно послание – о кресте. А другое – о чаше. Но вторая таблица разрушена, от неё остались лишь фрагменты. Может быть, этот Лёша в темноте не нашёл другие частицы, а может, растерял часть, когда возвращался обратно? Там

трудный подъём. Сифон длиной метров двадцать – поднырнуть без акваланга невозможно. Так что он тащил ещё и акваланг...

Он назвал данное место библиотекой. Парень, этот Лёша, очевидно, простой. Ценности этих дощечек не знал. Решил чуть-чуть подзаработать, продав дощечки по дешёвке скупщикам. А те, в свою очередь, – вот ему. Под «ему» понимался гражданин, который умер в поезде. Это было очевидно.

– Что вам известно об умершем? – спросил Сосновский.

Коридзе повёл плечами.

– Я его один раз лишь видел. Консультировал. Он назвался Иван Ивановичем, любителем старины. По-моему, имя и отчество вымышленные. Собственно, дело не в этом...

– Настоящее имя гражданина, судя по паспорту, – Старицкий Леонид Эдуардович, – быстро сказал Сосновский.

– Может быть...

Коридзе вздёрнул плечами:

– ...Я ему ещё тогда предложил связаться с работниками Херсонесского музея. Но он не решился. Не знаю, почему... Очевидно, хотел узнать истинную цену находок и попытаться их продать. Я его попробовал отговорить от подобной затеи, так как понял – главная ценность не в самом наличии этих глиняных артефактов, а в информации, которую они несут.

– Что же в них?

– Речь, в первую очередь, идёт о кресте, но... По-моему, речь идёт о части местности близ Севастополя, на которой в виде креста расположены монастыри. Учитывая, что находку можно отнести к XV веку, то, очевидно, от большинства из них остались лишь фундаменты. Собственно... – Коридзе подёргал ус, – названия древних, особенно древних пещерных городов нам известны. Здесь тайны нет.

– Каковы же размеры у этого креста? – осторожно спросил Сосновский.

– Приблизительно каждая из сторон до 50 километров. Но это, повторяю, приблизительные размеры.

– Ого-го! – Оба майора переглянулись, а затем уставились на подполковника, мол, подтверди или опровергни сказанное.

Но Змиевой только записывал, не отрываясь от блокнота.

– Дальше, – сказал Сосновский и с интересом посмотрел на Коридзе.

– Всё! Я ведь первой, полностью уцелевшей доски не видел. Мне Иван Иванович, или как его там – Леонид...

– Ну-ну...

– Привёз только тщательно скопированный текст и несколько фрагментов второй доски...

3

Майор покопался в своём портфеле и достал из него черепки.

– Эти?

Коридзе взял их в руки, тщательно осмотрел и даже понюхал.

– Это они. Все шесть... Но дело в том, что по этим фрагментам трудно определить полное содержание текста. А вот вторую дощечку у Ивана Ив... украли. Он позвонил мне, весь взволнованный, и сообщил о пропаже. И добавил: планы у него резко изменились и он срочно едет в Москву. Просил встречи.

– Н-да, – протянул Сосновский, – журавль улетел, а от синицы – только шесть черепков.

Коридзе протестующе поднял руку.

– Нет, нет, у него ещё были... И он их скопировал... Там речь идёт о чаше. И, насколько я могу судить, храмы и монастыри древности, начиная с VIII века, были выстроены друг за другом так, что в конце концов получалась чаша.

– Тоже в Крыму? – вдруг спросил Змиевой.

– Да! Но если крест мы можем вычислить достаточно точно, то с чашей возникнут сложности. У меня пока слишком мало информации.

– А зачем это надо вообще?! – взвился майор. – Крест, чаша... Мистика какая-то...

Коридзе подёргал ус и виновато вздохнул:

– Пока я и сам не представляю...

Ни Коридзе, ни Сосновский, ни его коллеги не знали, что Леонид Эдуардович совершил побег из южного приморского города в Москву. Но не под силу ему было проехать по этому пути. Тот, кто становился владельцем информации двух глиняных таблиц, не мог её использовать для себя. Но и найти их случайный человек не мог. Нашёл тот, кому она предназначалась – спелеолог Алексей Швецов. И он совершил правильный шаг, рассказав о них своему тёзке Лёшке, который свёл его со Старицким. И последний поступил верно, найдя Коридзе. Но в последний момент всё-таки не выдержал и решил подзаработать. После этого и случилось то, что констатировал врач Второй серпуховской больницы.

Человеческое сердце, да и в целом человеческая сущность, не в состоянии противостоять силе и знанию, дающимся нам свыше. Им надо подчиниться, во благо самого же себя. И следовать им для того, чтобы вспомнить ту божественную функцию, которая выпадает человеку один раз в жизни. В этом нет и не может быть везения. Это осмысленный шаг, причём каждый из нас осмысленно и здраво его делает. Поэтому-то и случайных смертей не бывает.

...Через несколько дней Коридзе напросился „в гости“ к Змиевому. Подполковник его приветливо встретил, всё-таки не первый день знакомы.

– Есть что новенького по черепкам? – поинтересовался он.

– Есть! – Коридзе устроился поудобнее. – Даже не знаю, с чего начать... Когда князь Олег...

Змиевой поднял глаза.

– Какой такой Олег? Не Вещий ли?

– Да-да. Так вот, когда Вещий Олег убил киевских князей Аскольда и Дира, то над могилой первого из них построил небольшую церквушку во имя Святого Николая...

Змиевой встал из-за стола, подошёл к шкафу и, достав электрический чайник, включил его в сеть. Прошуршав бумагой, бросил через плечо:

– Жена испекла коржички. С чайком пойдёт?

– Пойдёт!

– Да ты расслабься, что в таком напряжении? – Змиевой улыбнулся.

Коридзе повёл плечами, как будто бы заранее в чём-то винулся.

– Не знаю, поймёте ли вы меня правильно...

– Саша! Мы столько лет знакомы, пойму. И брось ты «выкаты». Знаешь ведь, что не люблю.

Коридзе сосредоточился и стал говорить.

– Есть предположение, что Аскольд по крещению получил имя Николай. Поэтому и церковь освятили во имя этого святого... Позже, уже во времена великого киевского князя Владимира, были убиты князья Борис и Глеб – это сыновья Владимира. Так вот, Борис при крещении получил имя Роман. Борис, то есть Роман, после смерти отца должен был занять его трон и стать новым великим князем. Но... К чему я веду: Аскольд и Борис были первыми христианскими правителями Руси, которые были убиты. Их вторые, «крещенские» имена, как я сказал, Николай и Роман.

А кто был последним российским правителем, точнее – императором?

– Николай... Николай II, – быстро сказал Змиевой.

– Чувствуешь связь между началом династии Рюриков-Романовых и её концом?

– Смертельная связь, ничего не скажешь... Там Николай и Роман. И здесь, причём в одном лице.

– Так вот, – продолжил Коридзе, – когда князь Владимир крестился в Херсонесе, в храме, где это происходило, находилась икона святого Николая. Как этот образ попал в храм, не мог объяснить и сам настоятель. Через несколько веков, точнее в 1613 году, в Костроме (в Ипатьевском монастыре) благословляли на царство первого из Романовых – Михаила. А рядом, в небольшом сельце, находилась та самая икона Николая Чудотворца.

Змиевой налил чаю, взял свою чашку и подошёл к окну.

– Выходит, святой Николай как бы наблюдал?

– Пусть будет так, – Коридзе отхлебнул чая, – потом поймёте. Я приведу ещё один исторический пример. В 1480 году Софья, жена Ивана III, настояла на том, чтобы в Москве убрали ордынское подворье, а на этом месте построили храм Святого Николая. Вслед за этим состоялось знаменитое «стояние на реке Угре», когда татары так и не решились напасть на русское войско и ушли. Навсегда. Так закончилось для Руси иго.

– Не шпарь, как на экзамене. – Змиевой поставил чашку на стол. – Для меня же здесь много нового. Я должен осмыслить, а ты меня из эпохи в эпоху бросаешь, как дитя малое...

Коридзе споткнулся на полуслове.

– Но в целом ты понимаешь?

– Н-да...

– Уже в XIX веке Николай I, а позже его сын Александр II построили в Севастополе храм Святого Николая. И какой! Храм-пирамиду, это символ вечности!

– Что-то здесь я не совсем...

– Да ты пойми! Они тоже знали, что существует закономерность, та логика, которую не перешибить ничем. Ей надо только следовать.

Всё началось с убийства Аскольда (Николая) и строительства первой церкви Николая Чудотворца. И этот святой затем как бы незримо присутствовал при всех важнейших событиях в России. Я тоже знаю очень мало. Возможно, таких фактов в истории было гораздо больше, только они не зафиксированы...

Аскольдова могила – это смерть христианина и одновременно рождение православного храма. Свято-Никольский храм в Севастополе – то же самое. Смерть и рождение.

– Ты меня загрузил, уважаемый Сан Яковлевич. – Змиевой повёл плечами, разминая затёкшие суставы. – Это, конечно, всё очень интересно, но какое отношение оно имеет к нашим баранам, то бишь к шести черепкам?

– Прямое...».

4

Я закрыл книгу «Тень орла» и отложил её в сторону. Такой же вопрос назрел и в моей голове. Какое отношение имеет всё, что я прочёл и ещё прочту, к садам-чаирам, историей возникновения которых я занимался?

Взяв в руки мобильный телефон, набрал номер Алексея, автора этой книги. Поздоровавшись, тут же спросил:

– Так это ты о себе и своём товарище Коридзе написал книгу?

Алексей хмыкнул.

– Мы её вместе писали. Только не о нас, а о том, как мы сами докопались до тайн Крыма.

– А при чём здесь орёл? – не понял я.

– Он позже всплывёт, – пообещал Алексей, – ты читай, читай...

Подумав несколько секунд, я спросил:

– Скажи, пожалуйста, а кому первому пришла в голову мысль, что Крым является своеобразным фениксом? Смерть и рождение находятся вместе... Это же принцип возрождения, так ведь?

– Да... Первым об этом подумал Саша, то есть Коридзе. Вначале факты были весьма приблизительные. Затем их становилось больше... А в конце уже ни он, ни я не сомневались, что здесь присутствует конкретная закономерность, а не случайность их подбора. Понял?

– Понял, – сказал я и положил трубку.

Но дальше читать я не стал. Мне пришёл на ум случай из собственной жизни. Он чем-то походил на описанное в книге. Только случилось это несколько десятилетий назад. Я сам попал в подземелья, правда, в отличие от Алексея, который увлекался спелеологией и по профессии был горным инженером, произошло это у меня случайно.

Под землёй я нашёл старый схрон, в котором не было никаких ценностей. Зато имелись бумаги архивного содержания. Со многими из них я успел ознакомиться и... заболеть тайнами Крыма. С тех пор шаг за шагом я продвигался в открытии этих тайн, с каждым днём становясь чуточку мудрее. Думалось, что я такой один, ан нет...

«Тень орла» рассказывала очень похожую по сути историю. И хотя речь в ней шла о подземельях и Свято-Никольском храме, а я интересовался чаирами и горным массивом района Бойко, тем не менее что-то же нас объединяло. Не зря ведь Алексей, когда дарил мне эту книгу, сказал напутственные слова, мол «Тень орла» поможет мне открыть глаза на некоторые тайны Крыма. Может, и так. Пока же я лишь читал первые страницы и абсолютно не представлял, каким образом орёл связан с подземельями и обнаруженными там тайнами, в которых речь идёт о кресте и чаше. Причём не о конкретных предметах, а о целых комплексах духовных сооружений, повторяющих эти сакральные предметы...

Я снова придвинул к себе поближе «Тень орла» и, открыв её, продолжил чтение. Один за другим сыпались факты из разных исторических эпох. Но автор каким-то непостижимым образом пытался их увязывать в единую логическую цепь. При этом, если верить книге, вырисовывалась какая-то идея, спущенная «свыше» и воплощающаяся на земле людьми в разные века...

Но сведений и взаимопереплетений было столько, что я быстро устал. Прав был Змиевой, когда пресекал Коридзе: «Не шпарь, как на экзамене. Я не успеваю осмысливать».

Тем не менее два факта, особенно при их соединении, меня действительно поразили. Первый касался древности. После падения Византийской империи последним её оплотом было христианское княжество Феодоро в Крыму, близ Севастополя (понятно, что в те времена такого города ещё не существовало). Гербом Феодоро был двуглавый орёл. Русский царь Иван III женился на принцессе Софье (Зое) – последнем отпрыске византийских правителей. И по

праву правопреемства перенял и утвердил двуглавого орла, как герб, но теперь уже России, или, как тогда чаще говорили, Московского государства. Двуглавый орёл стал символом, «эстафетной палочкой» от одной империи (гибнущей) к другой (только зарождающейся). Княжество Феодоро же вскоре погибло под натиском турецких войск, так что жизнь и смерть империй и их символов и в самом деле очень связаны между собой...

Второй факт касается времени Великой Отечественной войны. Севастополь освободили 9 мая 1944 года. А капитуляция Германии подписана ровно через год – 9 мая 1945 года. Получается, победа в Крыму предвосхитила победу в Великой Отечественной войне, указав на срок её окончания. Тоже своего рода «эстафетная палочка»...

В этой связи хотелось бы процитировать один отрывок из «Тени орла», сейчас он очень к месту.

«...Коридзе положил трубку и понял, что действительно надо ехать в Севастополь. Ладно, не сегодня же. Со святым Георгием лично для себя я многое прояснил, подумал он. Кстати, до Октябрьской революции, когда люди изучали совсем иную историю, они ведь многое из того, что я открыл для себя сейчас, неплохо знали. Что же говорить об августейших особах! Есть о чём подумать и в каком направлении вести поиски. Это – на завтра. А пока...

Пока вернёмся к нашим двуглавым орлам. При Иване III гербом Российского государства становится двуглавый орёл, вмещающий в себя (в центре) и небольшой герб Георгия Победоносца. Ноги, то есть лапы, этого герба растут из Севастополя. Это ясно. Как ясно и то, что именно ветвь князя Бориса помогла создать главные символы государственности: герб, корону и основные элементы, используемые при коронации – крест с частицей Животворящего Креста Господня, чашу Августа и миро (это дары, привезённые когда-то из Византии).

Коридзе задумался. Получается, что Севастополь нынешний – это своего рода место, откуда исходит то, что будет в России (Руси) через некоторое время. Речь идёт о судьбоносных вещах. Понимаешь?

– Понимаю, – сказал Коридзе вслух и посмотрел на часы.

А как же представить тот факт, что именно из Севастополя в конце 1920 года уходила Белая гвардия, унося с собой в изгнание двуглавого орла (старый герб)? Ещё говорили: „Севастополь – точка исхода Белой гвардии“. Исхода! Саша, сосредоточься.

Коридзе записал: „Точка исхода – это исходная точка. Да, так и есть. Это конец, это и начало. Начало и конец. Альфа и омега. То, что изошло отсюда, должно обязательно вернуться. Вернуться, чтобы снова изойти. Своего рода пульсар, исторгающий из себя энергию, свет или просто огонь...“.

Это же заложено генетически событиями 988 года (крещение великого князя Владимира в Херсонесе) и 1472 года (свадьба византийской принцессы Софьи и русского царя Ивана III – принятие герба двуглавого орла). И, как видно, с последующим распространением на все восточные земли. Так волнами из Крыма, где был крещён святой Владимир, православие распространялось по всей Руси, а орёл (герб) покрыл огромные её пределы, дав возможность России расправить крылья до Сибири и Тихого океана».

5

Я снова отложил книгу «Тень орла» в сторону. Было ясно, что просто так, кавалерийской атакой, мне её не взять. Здесь больше приходилось думать и переосмысливать, чем читать. Поймал себя на том, что некоторые куски текста перечитывал по несколько раз. Чего в моей жизни прежде никогда не случалось. И каждый раз, перечитывая какой-то отрывок, я ловил себя на мысли, как будто впервые вижу некоторые факты и даже целые абзацы. А их прочтение вдруг открывало для меня то, что я раньше вовсе не замечал. Это уже было даже не второе, а третье дно книги...

И тогда я сказал себе: «Стоп! Начни всё сначала, так „веселее пойдёт“. Я открыл первую страницу и вновь углубился в чтение. И лишь „проскочив“ чуть ли не половину романа, наконец сделал паузу. Для меня теперь ясно главное. Автор на основе огромного числа фактов и сопоставлений делает предположение, что юго-западный Крым – это своеобразное гнездо для легендарной птицы феникс. И эта птица, как ей и положено, умирает, а затем вновь возрождается, подчиняясь только ей известному временному циклу.

О птице феникс я, конечно же, знал. Но новаторство авторов «Тень орла» состояло в том, что они под этой птицей понимали человеческую цивилизацию. Точнее, крупнейшие империи, созданные людьми, которые в своём возникновении и последующем крушении подчинялись «правилам птицы феникс».

Я заглянул в справочную литературу и выяснил кое-какие сведения об этой легендарной птице. Оказалось, возрождается (и умирает) она один раз в 500 лет, подчиняясь такому чёткому ритму времени. А внешне – походила на орла (или была орлом?). Кроме того, оперение имела очень яркое: красное с золотыми перьями. В этом отношении она казалась огненной.

Подумалось: птица феникс по своему облику похожа на русскую мифическую Жар-птицу. Возможно, речь вообще идёт об одном и том же мифическом создании. Через русского «феникса» просматривается связь с духом огня, который иногда называли Рарогом. Но это тема иного исследования. Самих же авторов «Тени орла» заинтересовала приверженность птицы феникс к циклам времени и возрождению (воскрешению). Эти отрезки (500-летние) Коридзе предложил назвать «ударами сердца». Кстати, хотя и образно, но очень точно.

Я представил себе, как один раз в пять столетий случается такой удар. Он соответствует возрождению (воскрешению) птицы феникс. Но Коридзе на этом мифическом создании не заикливается. Он, как историк, приводит конкретные факты, подтверждающие на практике его правоту. Я не буду приводить их, а также логические доводы, подтверждающие какие-то логические цепочки. Но главное – он определил достаточно точно: империи типа Римской или Российской живут 1000 лет (дважды по 500 лет).

Вот как об этом написано в книге «Тень орла». Речь, понятно, идёт от имени Коридзе, который, судя по всему, является «мозговым центром» в создании этой книги.

«...Разобью последние две с половиной тысячи лет на отрезки по пятьсот лет. Отсчёт начну с начала. Что нам говорит, скажем, 500 год, или около того, до нашей эры? В этот период заканчивается 70-летний плен иудеев, создание второго храма в Иерусалиме и самовозрождение Иерусалима. Именно в это время было предсказано (через 490 лет) рождение Иисуса Христа. И как чёрная метка – падение Вавилона.

Что ещё важно (и не менее важно!) – в 509 году до нашей эры в Риме основана республика. Это начало возвеличивания Рима над другими городами. Начинается создаваться Римская империя.

Хорошо, приступим к следующему этапу. Это время рождения Иисуса Христа. Кстати, в это время римским императором был Август, яшмовая чаша которого позже была подарена

Владимиру Мономаху и с тех пор носит название чаши Августа, став одной из основных царских реликвий России.

Ещё спустя пятьсот лет... Коридзе внимательно сверился с данными: падение Римской империи и возникновение Византии, тоже империи. И чёрная точка, и светлая (как смерть и рождение). Как и тысячу лет назад – своеобразный всплеск, похожий на ритм удара сердца.

Ещё спустя пятьсот лет произошло Крещение Руси. А ещё через такой же отрезок – возрождение России после татаро-монгольского нашествия. И одновременно с этим – падение Византии. Снова скачок: вверх-вниз. Византия «продержалась», как и Рим – тысячу лет.

Отщёлкаем ещё пять веков, другими словами, переместимся в наше время. Падение Российской империи, которая (если считать с момента прихода в Киев князя Олега и заканчивая 1917 годом) просуществовала тоже около тысячи лет. Своеобразная Рюрико-Романовская империя... Если считать с момента прихода самого Рюрика (862 год) на Русь, то тысячелетний период заканчивается в 1862 году. А в это время в Севастополе началось строительство Свято-Никольского храма-пирамиды. Напомню – это одна из оконечностей креста, о котором шла речь в глиняных табличках, найденных Алексеем в подземельях. Как будто бы эта пирамида была не чем иным, как зерном новой России, или новой империи, которая в будущем, в назначенный час должно обязательно прорасти...

Вначале был Рим, затем Византия и в конце – Россия. Три великие, фундаментальные империи, каждая из которых существовала по тысяче лет. Кстати, Россию, после того как Иван III принял в качестве герба двуглавого орла, начали называть и третьим Римом, и Новой Византией. Она как бы была преемницей предыдущих империй. С чем это можно сравнить? С двумя ступенями ракеты, которые, разогнав её, сгорели в истории. Да ведь, собственно говоря, и третья ступень – Российская империя, тоже, отработав своё, сгорела. Кого же она разгоняла? Нас?

6

Коридзе подёргал ус, ощущая нехватку знаний.

Если нас, то что же получается? Мы ведь сейчас не ускоряемся, а, наоборот, в болоте сидим. Стоп! Где-то я уже это слышал...

Он начал анализировать график, который только что вывел. Интересная получается картина. Скачки и удары сердца проходили через пять веков. Но и существовал момент их возникновения и окончания. А длился он, судя по всему, 80 лет или около того. Своеобразное безвременье...

Такой период 2500 лет назад характеризовался пленением иудеев. А в XVII веке существовало Смутное время, венчавшее окончание безвременья. В наше время – это срок с 1920 года по наши дни, то есть исход Белой гвардии из Севастополя и падение двуглавого орла – герба империи. Но срок-то уже закончился, значит... Что значит?

Вернусь к орлу. Он появился в России (речь о гербе) как раз во время предыдущего удара «сердца». Выходит, ему пятьсот лет. Он как бы прожил половину из запланированных тысячи лет. Это так. Возрождение двуглавого орла-герба и есть начало следующих пятисот лет (чтобы в итоге получилась тысяча?). Возможно. Кстати, и орёл – это символ возрождения...

Это тебе, Саша, ещё один знак. Но вернусь к началу. Город Рим основали братья Ромул и Рем. Они, вернее первый из них, послужили выбором к названию города, а затем империи: Ромул – Рим.

Византийцы, как осколок или часть римской империи, также называли себя ромеями. Теперь это слово переключалось в совсем иную часть Европы и даже в Азию.

Интересная деталь: Рим стал настоящей империей при императоре Августе, владельце «чаши Августа». А последним императором империи был Ромул Август.

В 988 году киевский князь Владимир женился на византийской царевне Анне. Во-первых, византийцы называли себя ромеями. Во-вторых, отец Анны был Романом (она – Анна Романовна). В-третьих, первый ребёнок Владимира и Анны был наречён Борисом, а в святом крещении ему дано имя Роман. И убит он был именно в августе. И теперь почти закономерностью выглядит то, что последняя династия в России имела фамилию Романовы. Ромул – Роман – это знаковое имя в истории, и оно плавно перешло из одной империи в другую. А место его перехода, чем-то напоминающее прививку молодого побега на старый корень, здесь, на севастопольской земле. Точнее, на территории, охватывающей юго-западный Крым...»

Я вновь отложил в сторону книгу «Тень орла». В голове возникло множество всевозможных идей, предположений и догадок. Некоторые из них явно вытекали из только что прочитанного, другие были плодом моих собственных умозаключений. Бесспорно, «Тень орла» давала много пищи для размышлений. Я получил ответы на некоторые свои вопросы. И это хорошо. Но ещё больше вопросов у меня появилось...

На следующий день я вновь набрал номер Алексея.

– У меня, – сказал я, – сложилось впечатление, что весь исторический процесс состоит из множества тонких жил, и они все закручены, как по спирали, напоминая трос. Некоторые жилы обрываются, и на смену им приходят другие. Но есть постоянные, стержневые, на которых всё и держится. Когда такие жилы выпячиваются, тогда проявляются судьбоносные для человечества структуры, к которым, в первую очередь, относятся империи.

– Оригинальная теория, – пропел Алексей, – а где ты её почерпнул?

– Из твоей книги.

Алексей кашлянул.

– Не совсем понимаю тебя.

Тогда я объяснил, что подобное мне пришло в голову после осмысления сентенций Коридзе о циклах в пятьсот лет и перетекании империй из одного «сосуда» в другой.

– Знаешь, – сказал он, – ты, возможно, в чём-то и прав. Но сам Коридзе развил свою теорию в другом направлении. Хотя в этой книге вторую часть Сашиных исследований я не представлял. Она дана отдельно в книге Коридзе «София. Книга тайн». Это научная работа, и я о ней тебе ничего не говорил.

– Почему?

– Не предполагал, что у тебя в голове возникнет идея представить ход исторического развития именно таким образом...

– Но разве я не прав?

– Понимаешь... Ты ведь думаешь, что твой «трос» вытянут из прошлого в будущее в виде прямой линии. Так ведь?

– А как же иначе!

– Коридзе так не считает. И это наглядно показано в его «Софии...». Весь ход истории у него представлен в виде спирали. Причём двойной.

– Как это? – не понял я.

– В виде восьмёрки, – пояснил Алексей. – Представь цифру 8. Она состоит из двух симметричных кругов. Вот по этой восьмёрке и движется жизнь. Но чтобы не было повторяемости, очередной виток находится чуть выше предыдущего. А следующий – ещё выше.

– Отсюда спираль? – уточнил я.

– Да, – подтвердил Алексей, – восьмёрка состоит из двух кругов. В каждом пятитысячный отрезок (цикл) времени. Полная восьмёрка – десять тысяч лет. Каждый круг состоит из десяти отрезков по пятьсот лет – это малые циклы.

– И здесь жизнь тоже движется по кругу? – догадался я.

– Совершенно верно. Точнее, по полукругу... Но это не важно. Просто твоя добавка, что, кроме всего прочего, и само движение жизни ещё и закручивается в виде троса, делает общую картину ещё более сложной. Вместе с тем чётче проявляет природу жизненных процессов, представленных в виде вращения или винта...

– Скажи, Алексей, а Коридзе указывает место или исток, откуда был сделан первый виток восьмёрки?

– Нет. Он рассматривал лишь сам процесс, как уже сформированный. А вот где его начало, исходная точка – понятия не имею.

На этом наш разговор и закончился. Я вновь засел за роман «Тень орла», стараясь читать внимательней, не пропуская ни одной мелочи.

7

«...Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Мангуп-Кале, Шулдан... Коридзе уже который день самым тщательным образом анализировал расположение древних христианских монастырей в горной и юго-западной части Крыма. Чем глубже он проникал в тайну каждого из исчезнувших монастырей, чем точнее наносил на карте местонахождение древних пещерных городищ, тем удивительней открывалась картина.

Александр хотел лишь сопоставить реально существующие пещерные монастыри, храмы и развалины крепостей с обрывочными данными, полученными из глиняных таблиц. Но сделанное им открытие просто ошарашило. Действительно, почему до него никому не приходило в голову провести крест-накрест две линии. Одну – с севера на юг, вторую – с востока на запад. Именно так располагаются древние обители и пещерные городища.

Место пересечения линий попадает на Мангуп-Кале. Но ведь именно здесь, как считают учёные, находился центр легендарной страны Доро, которая позже стала княжеством Феодоро и была последним осколком Византийской империи, последним островком христианства после падения Херсонеса и Константинополя.

– Подожди, Саша, не горячись и ещё раз внимательно посмотри на карту, – Коридзе отодвинулся от стола.

– Так-так...

Крест для него проступал ясно и чётко. Длинная сторона, то есть та, за которую обычно держится рукой священник, начиналась на Бакле. А далее шёл Успенский монастырь, Чуфут-Кале...

Коридзе медленно продвигался по карте, вчитываясь в названия древних обителей и городищ. Особенно его интересовали те, которые содержали в себе слово «святой» или «ай» – по-тюркски. Последней точкой на этой линии был мыс Айя, дальше – только море. От этого мыса (и расположенных здесь же замка и монастыря) до Мангупа приблизительно столько же, сколько от Мангупа до Успенского монастыря и Чуфут-Кале.

– Интересно, интересно...

Коридзе отметил три «узловые» места: Айя, Мангуп, Успенский. Теперь попробуем «пробить» поперечину креста (линию с востока на запад). И здесь надо учитывать, что расстояние от Мангупа (центра) до конечных точек должно быть таким же, как и до Айя или до Успенского.

– Что увидим? Ну-ка, ну-ка!

Карандаш прочертил в западном направлении линию от Мангупа и остановился... как раз возле Свято-Никольского храма в Севастополе. Коридзе отметил: «Никольский узел».

Теперь отмерим такое же расстояние от Мангупа, но на восток. Точка оказалась в безлюдном районе горного Крыма, немного не дотянув до Ай-Петринской яйлы. Ай-Петри! То есть святой Пётр! Вот ещё один узел.

Саша поднялся, прошёлся по комнате несколько раз.

– Что же получается? Начиная с восьмого века по девятнадцатый монахи и архитекторы создавали, не ведая того, огромный крест над юго-западным Крымом? Как в это поверить? Может, это просто совпадение?

Но тогда почему об этом же пишет неведомый нам автор XV века? Вопросы, вопросы...

Коридзе ещё раз взглянул на карту и вдруг вспомнил, что у него есть другая, на которой значительно меньше населённых пунктов, зато разными цветами изображены высоты и рельефы местности.

Он нашёл её и собрался было уже наносить контуры креста, но карандаш сам собой застыл в его руке. Коридзе просто увидел чёткое изображение креста, который лежал, слегка

завалившись одной стороной к Севастополю. По всему выходило, что рельеф местности способствовал тому, что месторасположение городищ и монастырей его повторяло. Здесь природный рельеф совпал с человеческими желаниями. Или, быть может, здесь не обошлось без вмешательства внешних сил? Например, присутствие Промысла Божьего...

...Чай давно остыл, и на улице наступила глубокая ночь. Коридзе смотрел в окно, на котором рисовалась его собственная комната, и какие-то шальные огоньки мелькали на улице туда-сюда.

Он вновь, как и в случае с крестом, полез за второй картой. Разложил её на столе.

А ведь действительно, если принять за основу то, что и вдоль почти всего Южного берега расположены остатки средневековых крепостей-монастырей, то данное побережье можно назвать низом Чаши. Одна из сторон поднимается от Илья-Кая...

– Так, так... – Коридзе взял карандаш и провёл им вверх по карте от села Оползневого к Георгиевскому монастырю на мысе Феолент. Эта плавная дуга подходит почти к Севастополю.

А Севастополь-то смотрится на карте как «ухо» чаши! Или как ручка. А где же вторая?

Если посмотреть в зеркальном отображении, то вторая половинка чаши заканчивается возле Симферополя, который является вторым её «ухом». Действительно, подходит...

Коридзе ещё долго колдовал над картой, удивляясь тому, что чем точнее прорисовывались для него контуры чаши, тем она явственней виделась на карте. Именно виделась.

Он ещё раз сопоставил чашу и крест. Как удивительна местность! Она вписала в себя крест и чашу так умело, что, зная истинный рельеф южного и юго-западного, Крыма, ничего другого здесь и не нарисуешь. Но ведь и крепости, городища и монастыри, а позже – и более современные храмы устраивались таким образом, что оконтуривали и чашу, и крест. Графически повторяя то, что уже создано природой.

Чуть позже Коридзе докопался до следующего факта. Оказывается, в бытность Владимира Мономаха византийские владыки подарили ему шапку-корону (знаменитую шапку Мономаха), частичку Животворящего Креста Господня и пиршескую чашу кесаря Августа. С тех пор крест с частицей Животворящего креста Господня и чаша Августа с миром стали непременными атрибутами коронации августейших особ. Они стали частью таинства миропомазания на царство. Своего рода божественными инструментами, без которых рождение нового царя произойти не может.

Только не ведали императоры, что эти святыни в гораздо большем размере существуют в виде Божьих лампад – монастырей и храмов на той земле, откуда пошла христианская вера в русские пределы.

8

Я вновь отложил книгу «Тень орла» в сторону. Логика повествования меня увлекала, и невольно поддавался убеждению автора, что так есть на самом деле. Но с некоторыми утверждениями Алексея я был категорически не согласен. Несколько явных вещей автоматически выплывали из сюжета, но он упорно обходил их стороной, как будто не замечая.

Коридзе делал вывод о том, что ход истории представлен в виде восьмёрки спирали, каждый очередной виток которой находится над предыдущим. И с каждым новым витком восьмёрка поднимается всё выше... А где же её начало, то есть корень? Ведь если следовать логике авторов, то весь ход исторического развития, если он постоянно «скатывается» к истории Крыма, нам указывает на то, что «исток» восьмёрки требуется искать именно здесь.

Или второй пример. Алексей пишет, что не ведали русские цари, что в Крыму скрыты крест и чаша в виде целых духовных систем. Почему не ведали? А может быть, и ведали! Доподлинно знали. Потому-то и стремились сделать Крым частью России. А если следовать древним летописям, согласно которым в этих местах существовала Синяя Русь, то тогда они просто возвращали Крым под исконно русское крыло. Именно по этой причине отсюда и следовали импульсы, стимулирующие очередной этап в развитии России. Так было в 988 году – когда киевский князь Владимир принял христианскую веру, крестившись в одном из храмов Херсонеса. Так было в 1475 году, когда пало княжество Феодоро, а в эти же годы Русь берёт на себя право правопреемства на герб в виде двуглавого византийского орла. Можно говорить о связи с Византией. А если посмотреть глубже? Может быть, Византия – это лишь лёгкое покрывало, под которым сокрыта Древняя Русь, некогда бывшая в Крыму?

Или взять такой пример. Коридзе рассматривает расположение древних городищ юго-западного Крыма как крест. И считает это древней духовной структурой. Всё возможно. Он считает, что оконечности креста имеют особую силу (как и центр) – что тоже вероятно. Наверное, он по справедливости каждому такому «узлу» дал своё собственное имя: Успенский, Никольский и так далее. Но с Ай-Петринским он же явно ошибся! Во-первых, эта точка находится ближе, а во-вторых – этот узел попадает на массив Бойко. В центре этого массива находится (в виде развалин) древний храм Спаса. И узел этот – «Спасений»! Чувствуете разницу в названиях и идущей от них силы? То-то!

Я тут же позвонил автору книги и высказал все свои претензии, как я считал, более чем справедливые. Алексей выслушал меня молча, ни разу не перебив, а затем сказал:

– Наверное, во многом ты прав. Эти же вопросы, как и многие другие, мы и сами себе задавали. Но не найдя на них ответы, были вынуждены развивать тему в ином направлении, которое на тот момент было стратегически важнейшим. Ты дочитаешь книгу, всё поймёшь... Здесь всё решает фактор времени.

– Как тебя понимать?

– Просто в то время, когда создавалась эта книга, мы владели одной информацией, на основе которой она и построена. Но и это настоящий прорыв! Сейчас же появилась новая информация. Именно поэтому нужно данную тему развивать вглубь, находя в ней новые грани. Я не удивлюсь, если вслед за «Тенью орла» появятся новые книги. Это естественный процесс. Просто кому-то нужно было первым заявиться...

Что касается Ай-Петринского узла, то здесь ты полностью прав. Это моя промашка. Коридзе понятия не имел о храме Спаса и массиве Бойко, а я, к своему стыду, не подсказал ему. Впрочем, в момент написания книги я мало что знал об этом районе...

– Но о Бойко и его окрестностях хорошо знаю я!

– И что это меняет? – уточнил Алексей. – Суть Креста, который мы открыли, от этого не становится иной...

Я же почувствовал, что Алексей думает иначе, так же как и я, но ему неудобно менять то, что придумал его друг – Саша Коридзе. По-своему он прав. Переубеждать его я не стал.

Положив трубку, я не стал продолжать чтение книги «Тень орла». Этот телефонный звонок заставил меня на какое-то время отвлечься от текста. Наверное, вникая в какие-то частности, я не вижу основного, глобального, того, что составляет основу Крыма. Это гигантский духовный механизм, состоящий из Чаши и Креста. Он в состоянии творить таинства, которые мы называем волшебством или чарами. Главное – именно это! А всё остальное – второстепенно. И момент проявления этого таинства случается один раз в пятьсот лет. Коридзе назвал его «ударом сердца». Пусть так.

9

Через неделю или около того, я вновь вернулся к «Тени орла». Теперь всё моё внимание сосредоточилось на тексте, который касается подземелий... Надо сказать, подземелья «проступали» по сюжету неоднократно. Но это всё были намёки на какую-то тайну, не более. Теперь же я окунулся в них с головой. Вскоре мне попался забавный эпизод, который я решил воспроизвести полностью. Пусть другие решат, такой ли уж он забавный.

«– ...Леша! – громко сказал Коридзе.

– Что?

– Ты, случайно, не слышал, может быть, существует или существовал подземный ход из Свято-Никольского храма на Мангуп?

Швецов с удивлением выглянул из кухни.

– Кто тебе сказал?

– Ты и сказал. Значит, есть?

– Предположительно... По крайней мере, я прошёл по значительной части его, но в нескольких местах он прерывался. Поэтому составить точную картину, увы, невозможно.

– Хорошенькая новость! Что ж ты молчал?

– Если я буду рассказывать тебе обо всех пещерах и подземельях, недели не хватит. Давай вначале перекусим, а уж потом... Потом я расскажу, как глубоко под землёй встретил я человека.

– Живого?

– Для мёртвого он был слишком шустроват.

Лёша поставил поднос с бутербродами, налил чаю.

– Слушай! Я, по шахтёрской привычке, лезу в пещеры, основательно упаковавшись светом. У меня есть надёжный фонарь с аккумулятором. Плюс фонарь с двойным запасом батареек. Это очень важно. Без света ты – живой мертвец.

И вот, обследую новую пещеру, точнее, подземный ход в районе Инкермана. Там когда-то пробивали новую трассу и срезали часть горы. В одном месте строители наткнулись на туннель. Сохранилось место, где его проходили, скорее всего, кайлом – были характерные засечки. Шёл ход не в Инкерман, а как бы в обход его, куда-то дальше. Но из-за ветхости вход в этот туннель обрушился.

Лишь спустя годы я сумел пробить узкий колодец к этому туннелю. Интересно же было, куда он ведёт. Иду я по нему. Удивляюсь, свечу фонарём. Вдруг впереди огонёк. Подумал, может, отсвет от моего фонаря? Но нет. Огонь!

Подошёл ближе – свеча. И никого. С ума сойти можно.

– Ты в Бога веришь? – осторожно спросил Коридзе.

– Уже да. Но тогда, пожалуй, ещё нет. Но после некоторых событий, случившихся у меня под землёй, поневоле поверишь...

– Продолжай.

– Я аккуратненько посветил вокруг – никого. Тут же потушил фонарь – света от свечи было достаточно. Чуток в сторону отошёл и опустился на корточки. Отдыхаю. Вдруг – движение. Пламя дёрнулось. Я весь сжался, но сижу. Из глубины кто-то подходит – и к свече устало так подсел. Какой-то мешок рядом положил.

Я подумал – не бандит ли какой? Он меня не заметил в темноте, хотя сижу я рядом. Затем набрался храбрости и кашлянул. Этот как дёрнется – и в крик. На меня смотрит – и орёт. Сильно перепугался. Я зажёл фонарь, навёл на него – мужик как мужик, с бородой только, но аккуратно остриженной.

– Ты кто такой? – спрашиваю.

Он смотрел на меня, смотрел, потом сказал: «Ух!» – и сел. Познакомились. Оказывается, он тоже обследовал туннели. Но не все, как я, а конкретные. Откуда он знал, где и какие есть? Не знаю.

У нас, спелеологов, есть закон помогать друг другу в любых ситуациях. Естественно, и этому человеку я помог. Вначале словесно, а пришлось – показал и некоторые подземные сооружения, о которых он спрашивал. Но это после. При первой же встрече меня поразило, что он, не зная Севастополя, явно приезжий, чётко знал, какие именно его интересуют подземелья и где они находятся.

А знаешь, что его так поразило, что его так напугало, когда я кашлянул?

– Нет...

– Этот ход имел ответвление. Мой бородач по нему попал в штольню с решеткой. Он как-то её вскрыл и оказался в складе, где хранятся бутылки с вином. Не будь дураком, взял пяток – и ходу! Вернулся к свече, чтобы передохнуть. И вдруг – кашель. Подумал, что его сторожа выследили. Ха-ха-ха. Умора.

– Так он что, не понял даже, что попал на инкерманский винзавод?

– Я спросил его об этом. Бородач замялся и ответил что-то невразумительное. Он явно даже не догадывался о существовании этого завода. И это в Севастополе-то!

В другой раз я его разговорил, вызвав на откровение. И бородач немного рассказал о себе. Из семьи он то ли раскольников, то ли староверов. Жил всегда в Сибири. Однажды их, студентов, отправили на работу в местный архив. Надо было вынести во двор бумажный хлам и сжечь его. Здесь-то, среди рваных книг и прочей рухляди, ему попала тетрадка, похожая на дневник. Её вёл какой-то священник лет пятьдесят назад, а может, и больше. Листья жёлтые, прямо рассыпаются. На одном из них – чертёж, чем то похожий на птицу, только в самых узловых частях её находились крестики. Он стал вчитываться в текст. Понял, что речь идёт о Севастополе и о чём-то очень важном. Там имелись ещё какие-то схемки. Очевидно, подземелий.

Явно, мой новый знакомый темнил. Он оставил работу ради того, чтобы приехать в чужой город и рыскать по крысиным норам, рискуя быть заваленным и погибнуть почём зря.

– Так не бывает, – сказал Коридзе.

– Согласен. Мне тоже его мотивация была неясна. Но вскоре он пропал, очевидно, уехал.

– Лёша, может быть, он клад искал?

– Я тоже так вначале предположил. Я сейчас думаю, что он совмещал поиск сокровищ, если таковые были, и расшифровку «птицы», вернее, того, что было вложено в этот графический рисунок.

– Слушай, а что это за птица, не орёл ли?

– Н-не знаю... Он не говорил.

Коридзе задумался. В самом деле, что за птица, каковы её размеры, назначение... Спустя какое-то время он стал говорить о том, что бородач фактически дал им подсказку. И хорошо, что Алексей вспомнил данный эпизод из собственной жизни.

– А если это орёл, – предположил Коридзе, – то о чём это говорит? Прежде здесь существовало княжество Феодоро, у которого был герб – двуглавый византийский орёл. Этот герб здесь же и остался, так сказать, в зашифрованном виде. Если мы с тобой сумеем вычислить чашу и крест, то вполне возможно, идя таким же путём, сможем найти и орла. Как думаешь?»

10

С этой минуты все помыслы Алексея и Коридзе были направлены на поиск орла. Ясно, что требовалось подобрать ключик к этой непростой птице, чтобы открыть её тайны. Но как это сделать? И здесь выручил Алексей.

Он стал рассказывать о том, как однажды попал в подземелья под Свято-Никольским храмом. Его, как горного инженера, попросили найти причину, как подпочвенные воды проникают в подвальные помещения, находящиеся рядом с храмом. Работа эта была малоинтересной, зато Алексей смог по достоинству оценить сделанное его предшественниками – горными инженерами ещё того, царского времени.

Под храмом вскрылась целая сеть подземелий самого разного назначения. Но выделялось несколько. Во-первых, восьмигранный зал, находящийся точно под центральной частью храма. Во-вторых, две галереи, выполненные в виде спирали. Он назвал их «спиралями Авдеева», в честь архитектора, который строил храм-пирамиду и систему подземных сооружений. И наконец, три подземных хода, лучами расходящиеся в разные стороны. Один ход шёл в направлении села Любимовка, где ещё с царских времён находилась мощнейшая артиллерийская батарея, уходящая на несколько этажей под землю.

Второй луч направлялся к железнодорожной станции «Мекензиевы горы». А третий, под Севастопольской бухтой, – в центральную часть города. У этого хода имелось ответвление, которое вело в Голландию (часть Севастополя), где имелся подземный госпиталь, и дальше – в направлении Инкермана. Где-то здесь, на одном из сохранившихся его отрезков, однажды Алексей и встретил бородача.

Припомнил Алексей и то, что на карте с птицей один из крестиков обозначал Свято-Никольский храм. Возможно, бородач вообще хотел попасть в один из ходов, начинающихся из-под храма? Только плачевное состояние туннеля не позволило ему реализовать свою цель.

Тогда же родилось предположение, что крестиками обозначены входы, через которые можно попасть в севастопольские подземелья.

Естественно, по аналогии со Свято-Никольским храмом, можно было подумать, что каждый крестик на нашем чертеже соответствовал какому-либо монастырю или храму, который находится на поверхности. Но так ли это на самом деле?

Много времени Алексей и Коридзе потратили на то, чтобы сопоставить птицу с конкретными точками на местности, где построены духовные святыни. После целого ряда неудач им наконец удалось продвинуться в нужном направлении. Коридзе взял прозрачную плёнку, на которой были выведены контуры двуглавого орла – герба Византии, а затем царской России.

После тщательного «примеривания» стало ясно, что одна голова орла оказалась в Балаклаве, там, где стоит храм Двенадцати апостолов. Вторая голова – в Херсонесе, где Владимирский собор. Между ними находится Феолент с его Георгиевским монастырём – это корона, венчающая герб.

Свято-Никольский храм находится там, где орёл своей лапой держит шар-державу. А небольшое село Хмельницкое с его храмом Иоанна Предтечи соответствует второй лапе, держащей скипетр. Причём оконечность скипетра, в виде набалдашника, попадает на источник святого Иоанна Предтечи в селе Оборонном.

На хвосте орла расположен большой крест. Эта точка соответствует Инкерману и находящемуся здесь пещерному монастырю во имя святого Клементя. И наконец, в центре двуглавого орла находится малый герб, представляющий собой святого Георгия Победоносца на коне, убивающего копьём дракона (змия). Если посмотреть на карту, то данное место находится в пределах Сапун-горы, где недавно построен храм-часовня во имя Георгия Победоносца. Удачно

так построен, как будто бы специально, чтобы подчеркнуть свою прямую сопричастность с малым гербом двуглавого российского орла.

А чем знаменита Сапун-гора? Её штурмом взяли советские войска в 1944 году, выбив оттуда фашистов. Начало этого штурма совпало с днём Георгия Победоносца – 6 мая. Так сошлось. Выходит, Георгий Победоносец в свой «праздничный» день действительно уничтожил змия. А храм-часовня – это знак, указывающий на место данного действия. Как, однако, всё переплетено в истории, географии и мистике! Пойди разберись, где здесь начало, а где продолжение...

Казалось бы, чтобы сотворить такого орла, требовались бы феноменальные знания и точно такая же уверенность в своей правоте. Большинство храмов и монастырей, связанных с контурами орла, были построены в царское время. Можно представить, что Романовы владели какими-то древними тайнами и действовали соответственно. Но чем объяснить строительство храма-часовни Георгия Победоносца на Сапун-горе или храма во имя Иоанна Предтечи в Хмельницком? Они-то появились уже в наши дни! Выходит, не только люди, но и Промысел свыше определял место постройки каждой из духовных святынь. И двуглавый орёл – это не только дело человеческих рук...

Обращает на себя ещё одно обстоятельство. Алексей Швецов, как опытный спелеолог и исследователь подземелий, выяснил, тщательно собирая и анализируя всю попавшую ему в руки информацию, следующее. Оказывается, подземелья под Севастополем – это целая единая сеть. И все они соединены между собой (речь, конечно, о тех из них, которые так интересовали Алексея и Коридзе) и имеют выходы в узловых точках: две головы, корона, скипетр, держава, герб Георгия Победоносца, крест на хвосте.

Что это значит? Один орёл – в виде монастырей и храмов находится над землёй. А второй – невидимый – под землёй. По нему циркулирует невидимая энергия, текут воды, наполняя подземелья силой...

У меня даже голова закружилась от того, что мне стало отчётливо видно. И главное – я поверил в наличие такого орла над Севастополем. Мне даже отчётливо показалось, что он живой, он дышит...

Тут же припомнились циклы времени и «удары сердца», о которых говорил Коридзе. Удар сердца – и орёл оживёт, встрепенётся...

11

Казалось бы, на этом изыскания Алексея и Александра будут завершены. Но в своих размышлениях они пошли дальше, «дожав» ситуацию до конца.

Определившись с месторасположением креста и орла, они обратили внимание, что эти два сакральных объекта находятся очень близко относительно друг друга. Но что происходит в ситуации, когда крест (речь о Животворящем Кресте Господнем) наложить на нечто, требующее воскрешения? Велика вероятность того, что случится невероятное и, действительно, существо воскреснет.

Центр этого креста находится на Мангупе. Если его повернуть в этом месте на 45 градусов, он точно ляжет сверху на герб-орел, который находится над Севастополем. И самая сильная его точка (мыс Айя), переместившись, займёт своё место над Сапун-горой (где храм Георгия Победоносца). Здесь же у орла (будь он настоящей птицей) находится сердце. И что оно оживает, начинает биться? И как себя при этом ведёт наш орёл, он что, встрепенётся, начнёт дышать, крыльями захлопает... Не снесёт ли он при этом весь город, который по сравнению с этой громадиной кажется маленьким и беззащитным?

Коридзе провёл колоссальное исследование, суть которого сводится к тому, что над юго-западным Крымом располагается гигантский, почти небесный храм. А чаша (чаша Августа), крест (Животворящий Крест Господень) и герб-орёл (птица феникс) – это те ритуальные инструменты, с помощью которых происходит великое таинство – пробуждение двуглавого орла. И он воскресает, как бы из мёртвых, что соответствует приходу нового цикла в развитии великих «знаковых» империй. Может быть, я сейчас выражаюсь несколько высокопарно, но тема очень уж необычная и трепетная...

А что случилось в Севастополе на самом деле? 27 сентября 1991 года тогдашний благочинный Севастопольского округа отец Георгий поставил крест на скале Святого Явления, близ Георгиевского монастыря на Феоленте. Казалось бы, обыденное событие. Но не будем спешить со скоропалительными оценками по целому ряду причин. Лучше разобрать этот факт «по косточкам».

Во-первых, этот день непростой. Он соответствует христианскому празднику Воздвижения Животворящего Креста Господня, традиция которого уходит в глубокую древность и связана с воскрешением умершего человека при помощи креста.

Во-вторых, стоит вспомнить, как необычно был водружён крест на скале. Он имеет в длину семь метров с соответствующим размахом поперечины. Поэтому установить его на высокой скале, находящейся в море, было непросто. Крест перенесли на транспортном вертолёте от Свято-Никольского храма-пирамиды (держава) через весь Севастополь («тело» орла) и водрузили на скалу Явления (корона). В определённом отношении этот вертолёт был «рукой небесной», которая кладёт на двуглавого орла Животворящий Крест, оживляя его, давая новую жизнь гербу.

Если отталкиваться от книги «Тень орла», теперь случилось то, ради чего эта книга и задумывалась. Двуглавый орёл стал подниматься над Севастополем, увеличиваться в размерах и захватывать всё большее небесное пространство. Тень от него стала распространяться на север и восток всё дальше и дальше, поглощая бесконечные просторы России.

Коридзе каким-то невообразимым, почти мистическим образом удалось вычислить, куда именно теперь упала эта тень. И где теперь находятся узловые точки двуглавого орла. Так, одна голова оказалась в Казахстане, близ небольшого сельца Актогай, вторая – на севере, над островом Белый. Корона – над Тунгуской. Когда-то сюда упал знаменитый Тунгусский метеорит... Держава оказалась над Санкт-Петербургом (а крестик, что над ней, попал в Белое море). Крест, что был на хвосте орла, теперь оказался над Киевом (точнее, над его восточной частью,

разделив город пополам). Малый герб Георгия Победоносца распростёрся над Уралом, причём центральная его часть оказалась над Екатеринбургом, где была расстреляна семья последнего императора из дома Романовых – Николая II.

Интересная деталь. Тунгусский метеорит упал в 1908 году. И вскоре после этого Николай II принимает решение о завершении подземных работ под Севастополем, начатых ещё академиком Авдеевым. А теперь корона самой тени орла оказалась в тех местах, куда этот метеорит упал! Семью Николая II расстреляли в Екатеринбурге, что соответствует (по тени орла) малому гербу Георгия Победоносца. А в случае с изначальным расположением его – это Сапун-гора и храм Святого Георгия. Сюда, как на сердце орла, ложится крест, при повороте его по оси, находящейся на Мангупе (где было княжество Феодоро – последний осколок Византии). Нетрудно увидеть, как сильно взаимосвязаны эти места с судьбой России и династией Романовых. Но это ещё не всё.

Как только в Севастополе был водружён крест на скале Святого Явления, Россия принимает решение о восстановлении своего старого символа – двуглавого орла. Что вскоре и было исполнено. Ещё раз проявилась роль Севастополя и юго-западного Крыма, как предтечи событий, которые должны произойти в России. Очередной «удар сердца» волнами разошёлся во все пределы. Как случалось уже не раз...

12

В конце книги «Тень орла» было несколько чертежей. На каждом из них было изображено что-то своё. Меня, конечно же, в первую очередь привлёк двуглавый орёл над Севастополем и его контурная тень над Россией. Я долго изучал эти карты, дивясь явному и вместе с тем долго не решаясь поверить в очевидное.

Один раз я даже не выдержал и набрал номер автора книги. Когда Алексей взял трубку, я с ходу спросил:

– Так это что, правда?

Алексей ничего не понял, и тогда я уточнил, что имею в виду его книгу «Тень орла».

Он коротко ответил:

– Правда.

Я положил трубку. Какие мысли меня обуревали? При всей сказочности сюжета – его жёсткая историческая реальность. Мне вдруг показалось, что Коридзе и Алексей каким-то огромным ножом разрезали историю по вертикали, как многослойный торт. И теперь, в разрезе, можно сколь угодно долго изучать каждый из слоёв, дивясь тому, как он витиевато соприкасается с другими, проникая в соседние и выползая где-то вниз... То, что я передал выше, – лишь малая частица «Тени орла», некоторые очень интересные сюжетные линии я вообще упустил, другие лишь обозначил. Пусть Алексей на меня за это не обижается.

Зато я чётко вычленил самое главное. Это Таинство рождения Нового. В нашем случае – двуглавого герба-орла. С чем можно сравнить подобное действие? С Промыслом Господним, с дарованной людям благодатью, с чудом, случившимся на глазах многих. Но в любом случае – это магия творения, воскрешения прошлого и соединения его с будущим. Это волшебство, которое даёт далеко идущие последствия.

Я вдруг вспомнил эпизод из собственной жизни. Однажды я поднялся на высокогорное плато массива Бойко и устроил небольшой привал на самом краю скального выступа. За ним начиналась глубоченная пропасть, заканчивавшаяся долиной с крошечными селениями. Я лежал на самом краю и чувствовал рядом с собой бесконечный провал, бездну, которая волновала, будоражила воображение, не давая расслабиться даже на миг.

Неожиданно моё внимание привлекло какое-то едва уловимое движение воздуха. Я повернул голову в направлении пропасти и увидел рядом с собой горного орла. Он поднимался на восходящих потоках с глубин провала, очень тонко реагируя каждым своим пёрышком на невидимые нити ветра.

Птица была до того хороша, что я не мог отвести от неё взгляд. Очевидно, орёл не ожидал увидеть на этом скальном срезе человека, именно поэтому он пристально смотрел в моём направлении. Наши взгляды встретились, и мы с любопытством изучали друг друга, не испытывая никакой враждебности. Может быть, орёл любил посидеть на этом месте, а я ему помещал? Не знаю. Но через какое-то мгновение еле проявленный порыв ветра позволил ему слегка сместиться, и наше короткое рандеву закончилось.

Мне сейчас кажется, что эта нечаянная встреча была для меня определённым знаком, который я долгое время не мог расшифровать. Когда же я прочёл «Тень орла», встреча с настоящим орлом на массиве Бойко стала трансформироваться в сюжетную линию, связанную с моими собственными исследованиями.

Их суть заключалась в том, что я пытался разгадать тайны, спрятанные в горной части Крыма, близ всё того же массива Бойко. Когда мои изыскания завели меня в тупик, я неожиданно познакомился с Алексеем. А ещё спустя какое-то время он дал мне почитать книгу «Тень орла». Я давно догадывался, что в Крыму происходят магические действия и сам столкнулся с

нечто подобным. Отсюда и мои изыскания, как попытка разгадать то, что однажды так взволновало меня. После чтения книги «Тень орла» я лишь утвердился в своей правоте.

И только сейчас настало время, когда я могу рассказать то, что предшествовало моей встрече с романом «Тень орла». Мне думается, для многих людей мой собственный опыт исследования древних тайн Крыма и прикосновения к миру, который нами почти не ощущаем, покажется любопытным и не вызовет отторжения. Так что эта, первая, глава «Взгляд орла» пусть станет своеобразным предисловием к тому, что последует дальше.

Я имею в виду мою нечаянную встречу с чаирами – истинным магическим сокровищем Крыма. Итак, путь в чаиры открыт!

Часть II В парке Чаир...

1

Правильно, в чаир надо приходиться весной. И непременно – в апреле!

Я открыл глаза и увидел перед собой высокого мужчину в ветровке с рюкзаком, небрежно брошенным на плечо. Откуда он взялся? Кругом ведь никого не было.

– Вы кто? – спросил я.

– Алексей.

Мужчина протянул мне руку, и я почувствовал стальную силу его рукопожатия.

– Кир... – выдавил я из себя и тут же поправился: – Вообще-то, я Кирилл.

– Очень приятно, – Алексей улыбнулся, – а я смотрю – человек в траве лежит. Дай, думаю, подойду. Может быть, помощь нужна?

– Не нужна... – вздохнул я. – Просто отдыхаю...

Алексей недоверчиво поднял брови.

– Странное место для отдыха.

– Почему же, – возразил я, – отличное место, тихое...

– Н-да... – протянул Алексей. – Тихое... Впрочем, я и сам люблю сюда ходить.

Настала очередь удивляться мне.

– Выходит, вам можно, а мне нет?

Алексей отошёл на пару шагов в сторону.

– Бога ради, лежите себе! Просто за десять лет я впервые увидел здесь отдыхающего. Вот и заинтересовался.

Я горестно вздохнул. Всё очарование моего безмятежного времяпрепровождения как рукой сняло. Припёрся этот мужик, стал нести всякую чушь. Что за люди! Даже полежать в траве несколько минут спокойно нельзя...

Резко поднявшись, я сел и машинально провёл рукой по голове, сбрасывая с себя застрявшие в волосах травинки. Алексей отошёл ещё на несколько метров, как будто испугался моего резкого движения, и уже на почтительном расстоянии продолжил наш разговор.

– Я смотрю, вы не здешний?

– Нет, – быстро сказал я, – приехал сюда специально.

– У вас в селе есть родня?

– Никого нет! Просто захотелось здесь побывать.

Алексей понимающе кивнул головой.

– Бывает...

Я ничего ему не ответил, давая понять, что разговор закончен. Тогда мой навязчивый собеседник поправил рюкзак и, попрощавшись кивком головы, пошёл по еле видимой тропе к ближайшему кустарнику. Когда шум ветвей стих, я снова лёг в траву. Надо же – «бывает». Какое ему вообще до меня дело? Я что, у него на огороде лежу? Нет же!

Попытавшись успокоиться, я стал наблюдать за облаками, которые медленно плыли по синему небу. Хорошо, что сегодня такая погода. Вообще-то, апрель часто капризен. В любой момент могут набежать тучи и пойти дождь, или всё пространство затянет туманом и сырость станет медленно проникать в каждую клеточку твоего организма.

Гораздо ниже облаков надо мной грудились ворохи белых цветущих крон. Их было так много и они приобретали такие замысловатые очертания, что эти кроны деревьев вполне можно было принять за облака.

Сочетание цветущих деревьев и облаков меня просто завораживало, делая само моё состояние невесомым. Будто бы и я, как зачарованный, белой дымкой медленно плыву над травой, составляя с цветущими кронами и далёкими облаками единое неразделимое целое.

Как я вообще здесь оказался, в этом благоухающем, цветущем весеннем раю? Дело случая. Обычно один или два раза в год я приезжал в Крым. В Севастополе жила моя престарелая родственница, которая с радостью меня принимала. Звали её Марией, и всю свою жизнь она проработала на кораблях коком. Конечно, теперь она уже не плавала, сидела дома и явно скучала. Так что моё появление было для старушки из числа развлечений. Я мог подолгу рассказывать о своей собственной жизни, а Мария лишь кивала головой – мол, надо же, как оно бывает. Желая её удивить, я нещадно врал, на ходу сочиняя всякие небылицы. Впрочем, Мария ни разу меня не раскусила.

Зачем я приезжал в Крым? Нет, нет, не купаться. Море меня не интересовало. Я любил горы. Впрочем, почему любил, я и сейчас люблю. Давным-давно возникла эта любовь. И как мне кажется, с годами она стала взаимной. Каждый раз горы одаривают меня своими неповторимыми красотою, постепенно открывая самые затаённые, предназначенные лишь избранным уголки.

Впрочем, любованье природой не являлось для меня главным. Я изучал Крым, изучал горы, постигая тайны этих мест. Начав с малого, я увлёкся, провалился по уши в глубины Крыма, осознал всю его необычность. Шаг за шагом, от одного приезда к другому мне открывалось нечто новое, ранее непознанное или уже забытое людьми, стёртое с памяти человеческой цивилизации. Постепенно у меня появились друзья из числа тех, кто живо интересуется прошлым, стараясь отыскать в нём то, что так тревожит, так волнует и зовёт за собой. Иногда мы переписывались и перезванивались. Иногда я навещал их дома, но чаще – мы вместе выбирались в горы, исследуя заинтересовавшие нас места.

Вот и на этот раз я завалился в гости к своей родственнице в Севастополе. А уже на следующий день отправился в Ялту. Здесь жил один мой старый знакомый. Я познакомился с ним ещё в молодые годы, когда приехал отдыхать по путёвке на одну из многочисленных баз Крыма. Этот человек работал там инструктором, прекрасно знал горы. Главное – любил их. Мы подружились, хотя такое знакомство казалось временным. Тем не менее общее увлечение сдружило нас. И вот теперь настало время снова повидаться.

Я взял билет до Ялты и удобно устроился на кресле у окна. Хорошо, что я приехал в апреле. Природа в Крыму расцветает, на улице тепло, а отдыхающих ещё нет. И очередей, в том числе на автобус, тоже... Благодать! Никто тебя не толкает, не суетится, не давит своими рюкзаками. Нет, в Крым надо приезжать не летом, а весной!

Когда автобус вынырнул из горного ущелья в небольшую и очень уютную Варнаутскую долину, я вдруг забеспокоился. Это место меня волновало с детства. Когда-то отец возил меня, ещё мальчишку, по этому же маршруту в Ялту, и тогда в Варнаутской долине я вдруг почувствовал резкий прилив сил, и мгновенное радостное чувство разлилось по всему телу. Надо сказать, что в те годы я весьма болезненно переносил длительные автобусные переезды. А по горному Крыму, изобилующему серпантинами – тем более. Не удивительно, что после каждой такой «экскурсии» земля уходила из-под ног и не хватало воздуха, чтобы восстановиться. А здесь, в Варнаутской долине, такой прилив сил и необыкновенная радость. К чему бы это? Но никакого разумного объяснения тогда я не нашёл.

По прошествии многих лет, уже будучи взрослым человеком, я много раз вспоминал тот случай. И конечно, это происходило каждый раз, когда проезжал это же место в горах. Варнаутская долина, чем ты меня так притянула?

Вот и сегодня, как только автобус миновал ущелье Сухой речки и я увидел знакомые очертания гор, сразу же вспомнился тот крошечный эпизодик из далёкого детства. Подумалось: «А ведь эту загадку я так и не разгадал...» И тут же созрело решение.

Я резко поднялся со своего места и по узкому проходу подошёл к водителю и попросил остановить автобус. Я вышел и махнул рукой – езжай!

– Но у вас билет до Ялты, – возразил водитель.

– Я остаюсь!

Когда автобус отъехал, я увидел на противоположной стороне шоссе остановку с мозаичным панно – бегущими оленями. А сверху надпись: «Резервное». Так называется село, ближайшее от трассы. И тогда я понял, что надо идти именно туда.

2

Шёл я минут сорок или час. Шёл не спеша, оглядываясь по сторонам и пропуская проносящиеся мимо легковушки. Пару раз водители притормаживали, мол, не надо ли подвезти. Но я отказывался. Мне некуда было спешить. В Ялту я уже не попадал, а для осмотра крошечного села времени было в избытке. Тем более я не представлял, что именно меня интересует, где находится тот источник, который однажды возбудил во мне такой прилив радости.

Час или два у меня ушли на то, чтобы исследовать Резервное и его окрестности. Крошечное сельцо, никаких достопримечательностей и ничего такого, что могло бы пробудить мой интерес. Я влез на гору, которая возвышалась над селом, и полюбовался оттуда Варнаутской долиной и открывающейся перспективой главной гряды Крымских гор. Красиво, но не более...

Я спустился в село и исследовал балку, по которой можно было дойти до перевала, за которым открывалось море. И, уже порядком уставший, вернулся назад, в Резервное. Здесь, недалеко от двух колодцев, я и заметил небольшой цветущий сад. Он вклинивался в лес, которым были покрыты близлежащие горы, и, наверное, правильнее было бы его назвать частью леса с цветущими деревьями. Я не знал, что это за сорта – груши, алыча, абрикосы, мне было безразлично. Просто здесь было хорошо, и сразу же возникло желание устроить привал именно здесь.

Лёжа на траве мне представились картины с горными долинами, неприступными вершинами, где всегда гуляет ветер, а где-то внизу о грозные скалы бьётся синью далёкое море. Наверное, я уснул, ибо совершенно не слышал шаги приближающегося ко мне человека. А его слова были как гром среди ясного неба. Как он сказал: «Апрель – лучшее время...» И что-то ещё по поводу чаира. Шутник... При чём здесь чай? Кстати, а что это вообще? Слово знакомое, где-то я его уже слышал...

Я поднялся, напоследок послав воздушный поцелуй ближайшему от меня цветущему дереву, набросил на плечи слегка примятую куртку и двинулся в обратный путь. Проходя колодцы, которые я уже видел прежде, обратил внимание на местного жителя, который набирал в ведро воду. Я попросил напиток, а он безропотно согласился. Вода была холодная и очень вкусная. Поговорили с минуту ни о чём, и я пошёл дальше. В этот момент в голове всплыло: «В парке Чаир распускаются розы, в парке Чаир та-та-та-та весна...». Это же песня такая или романс старинный! Я почти не помнил слов, но начало всё же в голове вертелось.

Распускаются розы... Кстати, когда они распускаются? Но там, где я только что отдыхал, никаких роз не было и в помине. Шиповник был, только он ещё не цвел, а вот роз – не было!

Резервное осталось позади, а я шёл по уже знакомой дороге в направлении шоссе, желая вернуться домой, в Севастополь. Неожиданно мои размышления прервал горный орёл. Он сидел на высоком дереве, рядом с дорогой, и при моём приближении тяжело соскочил с ветки и, махая своими могучими крыльями, полетел куда-то в сторону. Наверное, ему оттуда, сверху, сейчас видна вся долина и узкая просёлочная шоссейка, по которой неспешно бредёт одинокий человек. Это – я, тот, который неожиданно для самого себя изменил планы, предпочтя Ялте и беседе с другом общение с Варнаутской долиной и её жителями. И если сейчас спросит кто, зачем я сюда явился, я не отвечу. Никаких «позывов» со стороны долины я не ощутил, и чувство радости, однажды меня посетившее, мне вторично не явилось.

На остановке я долго разглядывал мозаичных оленей. Автобуса не было, и я не знал, сколько времени мне придётся здесь проторчать. Неожиданно из-за ближайшего поворота вынырнул человек, явно направлявшийся на остановку. Скорее всего, это был местный житель, знавший расписание автобусов. Интуиция меня не подвела. Это был, действительно, житель Резервного. Именно тот высокий мужчина с рюкзаком, который так некстати потревожил мой сон в цветущем весеннем саду.

Мы поздоровались, как старые знакомые. И тут же я узнал, что автобус на Севастополь будет минут через десять. Алексей поинтересовался, понравилось ли мне Резервное. А я ответил в том духе, что долина очень красивая и те, кто живёт в ней, настоящие счастливицы. Он хмыкнул: «Так и есть». Но мне показалось, что Алексей хотел ответить по-иному. Впрочем, я ведь тоже хотел сказать другое...

В автобусе мы разговорились. И первым делом я напомнил ему слова из песни, в которой говорится о чаире. Алексей рассмеялся. Ему понравилось сравнение цветущего сада, где я спал, с розарием чаира из песни.

– Конечно, это разные места! – воскликнул он.

Я и без его слов это отлично понимал. Но мне было интересно знать, почему он обратился ко мне именно с этим.

– Чаир находится на Южном берегу, – сказал Алексей, – есть такой уголок в Мисхоре, точнее – в Гаспре.

И тут меня как прошибло: «Чаир!» Как я мог забыть! Действительно, там находится, точнее находилось, имение Чаир, принадлежавшее когда-то одному из великих князей династии Романовых. Кажется, его построил архитектор Краснов. Я долгое время интересовался биографией этого человека, и в моей памяти отложились многие факты его жизни. Среди них был и такой – связанный со строительством великокняжеского имения Чаир.

– Кажется, его построил Краснов, – сказал я.

Алексей с удивлением посмотрел на меня.

– Да... Но откуда...

Я рассказал своему знакомому, что интересуюсь и как строитель, и как просто интересующийся историей и архитектурой южнобережных дворцов Крыма.

– И давно?

– Давно.

Алексей задумался, а затем протянул мне руку.

– Приятно познакомиться с человеком, который близок мне по духу. Я ведь тоже давно интересуюсь...

– Южным берегом?

– Вообще – Крымом...

Алексей на секунду задумался, а затем сказал:

– Теперь мне понятно, почему именно ты лежал в чаще. Ведь это – моя «точка». Я там привык отдыхать.

– Насиженное место, – нашёлся я.

– Да, – подтвердил он, – насиженное... Когда я впервые появился в Резервном, то отдыхал именно там, как ты сегодня. И тоже был апрель. И так же цвёл сад... Правда, интересное совпадение?

– Согласен...

Я хотел рассказать о давнем случае из моей юности и чувстве радости, но передумал. Это слишком личное. Да и не сработал данный эффект вторично. «Холостым» получился мой приезд в Резервное.

Алексей воспринял паузу в разговоре по-своему. Очевидно, он подумал о том, что меня сейчас интересует место, в разные годы притягивающее нас к себе. Он стал рассказывать об этом уже слегка одичавшем саде. Оказывается, это сливняк. Летом он сюда ходит за сливами и собирает плоды ведрами. Кроме того, здесь есть деревья кизила, черешни и яблони. Но яблоки выродились, остались лишь дички. Очевидно, они были «внуками» ранее росших здесь яблонь хороших сортов, но те деревья давно пропали. А новые – либо поросль от корней, либо проросшие зёрна падалицы.

Честно сказать, родословная здешних яблонь меня совершенно не заботила, тем более истории с вёдрами, полными слив. Летом сюда на сбор урожая приезжать не собирался. Но Алексей говорил с таким упоением, что я не решился его перебить.

Оказалось, что этот сад еще татарский. В том смысле, что посажен ещё до Великой Отечественной войны. Татары практиковали высадку фруктовых деревьев не на своих усадьбах, а за селом, где было много свободного места. Алексею повезло, что его собственный земельный участок оказался в непосредственной близости от сливняка, который он считает своим вторым садом. Впрочем, сюда любой может прийти. Как, например, я...

В этот момент в автобус вошла большая группа людей, которая отделила меня от Алексея, и мы оказались в разных частях автобуса. А я так и не успел у него спросить, почему ж в чаиры надо ходить в апреле. И какая связь между сливняком, где я отдыхал, и великокняжеским именем Чаир.

На конечной остановке Алексея я не увидел. Либо он затерялся в толпе людской, либо вышел раньше. Так что вышла у меня такая нечаянная встреча с человеком, влюблённым в цветущий сливовый сад.

3

На следующий день в Ялту я всё-таки поехал. И встретился со своим знакомым. Звали его Станиславом, или Стасом – для своих. Был он настоящим краеведом и знатоком Крыма. С ним можно было сидеть часами и слушать, слушать...

Впрочем, сейчас меня интересовал великокняжеский Чаир. Надо же, как быстро иногда у человека появляется интерес к чему-то редкому, необычному. Ещё вчера я и думать о нём не думал, а сегодня уже не мог жить без него. Но тем не менее...

Стас, конечно, знал о Чаире. И был наслышан о дворце, который строился по проекту архитектора Краснова. Но поехать прямо сейчас в Мисхор, чтобы своими глазами увидеть этот шедевр, не захотел. Я расстроился. Тогда мой товарищ сообщил, что существуют сразу две причины, чтобы этого не делать. Я попросил назвать хотя бы одну, желая тут же разбить её в пух и прах.

– Во-первых, такого дворца давно нет. Он уничтожен, – сообщил Стас, – а во-вторых...

Я замахал на него руками, мол, хватит-хватит! Вторую причину я слушать не хотел. Теперь мне стало ясно, почему я так мало знал об этом дворце, и вообще, почему он известен менее остальных великокняжеских дворцов Южнобережья.

Стас не помнил, при каких именно обстоятельствах уничтожен дворец, но то, что остальная часть имения сохранена, – это точно. Сейчас это парковая зона, которую по-прежнему называют Чаиром. Она входит в состав Гаспры, примыкая вплотную к Мисхору. Впрочем, для большинства отдыхающих эта полоска берега всегда являлась чем-то единым и неразделимым.

– Нет, нет, ты не прав! – возразил Стас. – Там такой исторический пласт...

Он порылся в своих бумагах и вытащил потрёпанный блокнот с какими-то записями. Я взял блокнот в руки и, открыв, прочёл: «Чаир. Краткая справка».

– Что это?

– Я когда-то составлял подобные исторические справочники. Для себя, – пояснил Стас.

Полистав этот блокнот, я узнал кое-что для меня интересное. Чтобы не забивать голову десятками фамилий, дат и фактов, сообщу следующее. Изначально вся эта земля принадлежала одному человеку, а после его кончины была продана по частям разным владельцам. Так на одной относительно небольшой территории возникло несколько усадеб, причём большинство из них – великокняжеские.

В это число входил и Чаир. Это была вторая большая работа архитектора Краснова. Первая, дворец Дюльбер, был соседом Чаира. Так что два этих имения через архитектора Краснова были тесно связаны.

Но и не только это их роднило. Дюльбер и Чаир принадлежали соответственно великим князьям Петру Николаевичу и Николаю Николаевичу, которые были родными братьями. В свою очередь, они женились на родных сёстрах Анастасии и Милице – черногорских княжнах. Это единственный, уникальный в своём роде случай в царской России такого «семейного» союза. А соседство их имений в Крыму – лишнее и наглядное тому подтверждение.

Говорят, дворец Чаир был действительно великолепен. По крайней мере, я, когда рассматривал его на старых фотографиях, приходил к такому мнению. Что интересно, Чаир и Дюльбер построены в абсолютно разных, непохожих друг на друга стилях. Первый из них относится к стилю неогрек, в котором присутствуют элементы древнегреческой архитектуры. А второй – в исключительно восточном, египетском стиле. Может быть, таким способом архитектор пытался указать на абсолютную несхожесть братьев? Один из них был мягким, вдумчивым, «камерным» человеком, интересовавшимся историей и Востоком, по складу ума очень близким к людям пытливым, с исследовательской жилкой. Я говорю о Петре Николаевиче, который в своё время слыл одним из лучших инженеров-строителей.

А вот его брат совсем иной. Избрав военную карьеру, стал настоящим воином, пройдя путь до командующего русской армией в период Первой мировой. Он был кумиром для многих и многих офицеров и вообще патриотов России.

Что ещё интересно – сёстры, на которых женились братья – великие князья, были родом из Черногории, которая чуть позже вошла в состав королевства Сербии (а позже – государства Югославии). Краснов, построивший Дюльбер и Чаир, где полноправными хозяйками стали Милица и Анастасия, прославил своё имя, став очень известным архитектором. Отсюда начался его взлёт, здесь взошла его звезда, как одного из лучших архитекторов царской России. После революции 1917 года Н. П. Краснов эмигрировал за границу. А последние годы прожил и захоронен в Сербии. Так неожиданно закончилась для него «балканская история», начавшаяся в Крыму со строительства двух великокняжеских дворцов, хозяйками в которых были черногорские княжны.

У Милицы Николаевны, жены великого князя Петра Николаевича, судьба сложилась не менее загадочно. Эта женщина (как и её сестра) всегда тяготела к мистике, ритуалам, всевозможным знахарям и колдунам. Не исключено, что строительство Дюльбера в восточном стиле, предусматривавшем и тайны прошлого и древность египетской магии в том числе, началось вследствие и её непосредственного желания видеть дворец именно таким. А Краснов лишь претворил желаемое в действительность.

После революции 1917 года Милице Николаевне удалось эмигрировать за границу. Свои последние дни жизни она провела именно в Египте, где и скончалась. Навечно ли было место её упокоения египетской архитектурой Дюльбера – не знаю. Но вполне может быть.

В период Гражданской войны Дюльбер сыграл в судьбе Романовых, оказавшихся в это время в Крыму, решающую роль. Здесь они оказались в качестве арестантов. Но Дюльбер же и сохранил им жизнь, позволив уцелеть и эмигрировать за границу.

В эмиграции оказался и великий князь Николай Николаевич, бывший первым и единственным хозяином соседнего с Дюльбером имения Чаир, которое сейчас интересовало меня больше всего.

Августейшая семья бывала в Чаире не раз. Вообще Николай II часто посещал великокняжеские имения, видя в этом какую-то особую необходимость. Что же касается Чаира, то, возможно, император даже любил это место. Когда брали сюда болезненного цесаревича Алексея, то он чувствовал себя здесь лучше, чем где-либо. Явной причины улучшения его состояния никто не знал. Но списывалось всё на особый целебный климат данной местности. Может быть, всё дело было в парке Чаир, разбитом в одноименном имении великого князя Николая Николаевича? Растения, большинство из которых составляли розы, способны воздействовать на состояние людей. Но этот парк был ещё слишком молод, чтобы от него можно было ожидать нечто подобное. Хотя, конечно, кусты роз быстро вошли в силу, и прекрасные бутоны украшали Чаир своим необыкновенным цветением, заполняя окружающее пространство тонким, приятным ароматом. Неужели всё дело в розах? Не знаю. Я, к сожалению, не специалист в этой нежной области жизни...

Ливадию, которая была южной царской резиденцией, и Мисхор, где находились великокняжеские имения с их прекрасными, не похожими друг на друга дворцами, соединяла царская тропа, построенная по распоряжению Николая II для ежедневных прогулок. Но у меня сложилось твёрдое убеждение, что у этой тропы была ещё и другая роль. Она служила, как бы сказали современные мистики, энергетической нитью, которая соединяет Ливадию и Мисхор в единую царственную семью. Не исключаю, что у Мисхора была и своя, нам пока неизвестная роль, в которой, вполне возможно, какая-то задача отводилась и великокняжескому имению Чаир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.